

Паганини

Автор:

Наталия Пащенко

Паганини

Наталия Валериевна Пащенко

Ничего общего этот рассказ не имеет с великим маэстро. Зато у него много общего с добрыми и отзывчивыми людьми, которые, независимо от материального положения, состояния здоровья или настроения, не оставят на произвол судьбы тех, кого приручили.

- Брысь! Брысь, проклятый! Пошел прочь! Убирайся туда, откуда явился!

Это моя супруга, Анна Александровна Дрызь, кричит и ругается на котяру. Смех да и только. Кот-то не наш, а пришлый какой-то. Хотя, кто тут пришлый, еще разобраться нужно. Кот у нас каждую ночь что-то ворует на кухне, приходя через форточку тайком, а мы возмущаемся, ну, вернее, возмущается Анна Александровна, я лишь в усы посмеиваюсь. Но только до тех пор, пока моя дражайшая супруга не влетает ко мне в мастерскую и не начинает кричать о том, что у мужа-столяра форточка на защелку не закрывается. Позорит меня Анна Александровна. Я огорчаюсь, потом обижаюсь и ухожу во двор. Там можно и покурить после скандала. И супруга понимает, что виновата. И мне хорошо – хоть повод закурить есть.

Вообще-то, до недавнего времени в форточку моей квартиры на двенадцатом этаже не мог забраться даже альпинист. Но врачи мне прописали покой после очередного меткого попадания в кардиологию, свежий воздух и никаких городских забот. Анна Александровна, опять-таки напомним, Дрызь, собрав вещи, скомандовала: «Мы едем в деревню». Именно в деревенском доме на кухонной форточке отсутствует шпингалет. Это дом родителей жены, находящийся в двадцати километрах от города. Спротивления я не оказывал, ведь перенести мастерскую труда мне не составило. Я краснодеревщик, заказчики меня найдут

и в деревне, если им понадобится. Жена на пенсии, я как бы тоже, дети давно за границей живут. Отчего же и не подышать чистым и свежим воздухом?

В первое время я жутко уставал. Ведь раньше как? Спустился на лифте, магазин под домом, хлеба, колбаски купил – и тем же лифтом обратно. А теперь нужно пять километров по деревне на велосипеде к единственному магазину проехаться. Уже и хлеба не хотелось к концу такого пути. Приедешь домой, язык на плече, буханка под мышкой, в висках стучит, сердце, кажется, сломалось навсегда. А супруга говорит, мол, у соседки холодненькое молочко есть, только вот сходить нужно. Иду, а что делать? Я замечать начал, что легче мне стало дышаться к маю. Привык я к утренним прогулкам за хлебом. И огородик, что за домом бурьяном порос, я облагораживать начал. Румянец заиграл на моих щеках, сил прибавилось. Но не у меня одного – жена, которая раньше задыхалась от аллергии и астмы в городе, сегодня уже могла спокойно петь, готовя обед. Петь! Да она никогда и трех слов без одышки не говорила. Но ее голос открылся мне не с пения, а со скандалов по поводу кота! Деревенский котяра с нахальной мордой повадился лазить к нам на кухню. То курицу утащит, ту, которую Анна Александровна оставила размораживаться, то рыбу прямо из ухи за хвост вытащит. Одним словом, голос, прорезавшийся у Анны Александровны, во всем обвинял меня. Я иногда выходил перекурить, вроде как для общего порядку, так сказать, для нервоуспокоения после скандалов, а жена, чувствуя свою вину, примолкала и даже меня утешала. Да ради такой обстановки в доме я никогда этот шпингалет не приделаю. Пусть кушает этот Паганини столько, сколько ему хочется!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/paschenko_nataliya/paganini

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)